Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова»

Министерство искусства и культурной политики Ульяновской области
ОГБУК «Центр народной культуры Ульяновской области»
Центр развития и сохранения фольклора

Свадьба: традиции и современность
Материалы Всероссийской научной конференции памяти М.Г. Матлина «Свадьба: традиции и современность»
(Ульяновск, 13 июня 2024 г.)

Ульяновск
2024

УДК 39
ББК 63.5
С 24

Издается по решению редакционно-издательского совета ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова

Рецензенты:

Н.Л. Пушкарева, д. ист. наук, проф., гл. научн. сотр., руководитель Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Т.А. Золотова, д. филол. наук, проф., проф. каф. русского языка, литературы и журналистики Марийского государственного университета.

С 24 **Свадьба: традиции и современность.** Материалы Всероссийской научной конференции памяти М.Г. Матлина «Свадьба: традиции и современность» (Ульяновск, 13 июня 2024 г.). Сборник статей / составитель А.П. Липатова. – Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», 2024. – 319 с. – URL: https://www.ulspu.ru/science/svadba.pdf. – Текст: электронный.

Сборник содержат статьи, подготовленные участниками Всероссийской научной конференции памяти М.Г. Матлина «Свадьба: традиции и современность», в которых отражены результаты полевых исследований, проведенных в разных регионах России как известными учеными-фольклористами, музейными работниками, преподавателями школ искусств и другими специалистами, занимающимися изучением традиционной культры и фольклора.

ISBN: 978-5-907216-36-5

УДК 39
ББК 63.5

© Авторы статей, 2024
© ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2024

УДК 39; 75
ББК 82.3(2=411.2); 85.103(2)6

Образы крестьянской свадьбы в творческом наследии костромского художника Е. В. Честнякова

Артамонова Мария Михайловна,
научный сотрудник, сектор фольклора и народного искусства, Государственный институт искусствознания, г. Москва, Российская Федерация, m1992744m@gmail.com, orcid.org/0009-0007-4852-8153

Аннотация: Идея о связи искусства самобытного костромского художника Е. В. Честнякова с фольклорной традицией Костромского региона бытует в научной среде уже давно. В то же время до сих пор не было предпринято попытки обособленно рассмотреть свадебную тему, представленную в художественном и рукописном наследии Честнякова, и проследить ее взаимосвязь с традиционным свадебным обрядом, бытовавшим в Костромских (или более узко – в Кологривских) землях в середине XIX – начале XX века. В ходе исследования было уставлено, что Честняков стремился передать в своем творчестве многосоставность, протяженность во времени и семантическую наполненность свадебного обряда, а также его этнокультурные особенности, определяемые локальной северной традицией. Также путем сравнительного анализа удалось установить, что часть свадебных текстов из записных книжек Честнякова представляет собою варианты традиционного фольклора Кологривского края, а другая, хотя и опирается на фольклор, имеет яркое авторское начало.
Ключевые слова: Ефим Честняков, фольклор Костромской земли, крестьянская свадьба, севернорусская традиция свадьбы.

Images of a peasant wedding in the creative heritage of Kostroma artist E. V. Chestnyakov

Artamonova Marija M.,
Researcher, Department of Folklore and Folk Art, State Institute for Art, Studies, Moscow, Russian Federation, m1992744m@gmail.com, orcid.org/0009-0007-4852-8153

Abstract: The idea of the connection of the art of the original Kostroma artist E. V. Chestnyakov with the folklore tradition of the Kostroma region has been in the scientific community for a long time. At the same time, no attempt has yet been made to separately consider the wedding theme presented in the artistic and handwritten heritage of Chestnyakov, and to trace its relationship with the traditional wedding ceremony that existed in Kostroma (or more narrowly in Kologrivsky) lands in the middle of the XIX – early XX century. In the course of the study, it was found that Chestnyakov sought to convey in his work the complexity, length in time and semantic fullness of the wedding ceremony, as well as its ethnocultural features determined by the local northern tradition. Also, through comparative analysis, it was possible to establish that some of the wedding texts from Chestnyakov's notebooks represent variants of the traditional folklore of the Kologrivsky region, and the other, although based on folklore, has a bright author's origin.
Keywords*:* Efim Chestnyakov, folklore of the Kostroma land, peasant wedding, the Northern Russian wedding tradition

История русской классической живописи знает не так уж много изображений крестьянской свадьбы[24]. Если попытаться выстроить их в некую хронологическую

[24] Мы не ставим перед собой задачу перечислить все произведения свадебной тематики, а называем лишь некоторые, объединяя их группами и выстраивая на временной шкале.

последовательность, то полотно «Празднество свадебного договора» М. Шибанова 1777 г. займет одно из первых мест. Оно появилось в то время, когда традиционный свадебный обряд был темой скорее тиражных лубочных листов, ориентированных на массового зрителя, чем станковых картин реалистического письма. Объектом внимания профессионального искусства деревенская свадьба становится лишь со второй половины XIX века. И связано это во многом с социальными изменениями в обществе, произошедшими вследствие Великих реформ 1860-х гг. (приведших, в частности, к освобождению крепостных), и зарождающейся идеологией народничества. Фокус внимания живописцев перемещается на человека «от сохи»[25]. Типичным сюжетом становится крестьянское бытие, включающее богатый комплекс ритуалов. Среди картин интересующей нас свадебной тематики появляются: «Смотрины невесты» 1861 г. Н.П. Петрова, «Поздравление молодых в доме помещика» Г.Г. Мясоедова 1861 г., «Накануне девичника. Проводы невесты из бани» В.Г. Перова 1870 г. Это «истории», рассказанные повествовательным языком жанровой живописи и близкие по риторике к театральным мизансценам. Свадебный обряд здесь лишь

[25] Отметим, что первый заметный всплеск интереса к крестьянской теме наблюдался после Отечественной войны 1812 года на фоне патриотического подъема. В это время появляются карикатуры И.И. Теребенева и А.Г. Венецианова, где побеждающий французов русский народ предстает в образе мужика. В 1820-40-е гг. новым словом в данной теме стала живопись А.Г. Венецианова, который запечатлевал на полотнах своих крепостных. Крестьянки и крестьяне А.Г. Венецианова по большей части лишены сентиментальной идеализации, которая свойственна, например, аналогичным образам В.А. Тропинина. Среди работ интересующего нас свадебного сюжета можно выделить «Русскую крестьянскую свадьбу» 1814-1815 гг. М.И. Теребенева, написанную в академическом ключе.

фабула спектаклей, которые художники разыгрывают на своих полотнах.

В последующие два десятилетия авторы стараются уйти от повествовательности и покровительственного взгляда на «простого» человека к созданию произведений, где крестьянское сословие приобретает самодостаточный статус. Появляются такие картины, как «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» 1875 г. В. М. Максимова, «Ожидание новобрачных от венца в Новгородской губернии» 1891 г. А.П. Рябушкина, «Девичник» 1882 г. В.Е. Маковского, «Сваты» 1882 г. НК. Пименко. Здесь запечатлен собственно мир деревни, его герои существуют естественно, без оглядки на стороннего зрителя, в гармонии с собой. А свадебный сюжет освобождается от театральности и преподносится как закономерная часть жизни крестьянина.

На заре нового века деятелями искусства во главу угла ставится поэтика и красота крестьянской культуры как таковой. Эстетика сельской свадьбы обыгрывается Е. А. Киселевой в картине «Невесты. Троицын день» 1907 г., А.А. Бучкури в «Свадебном поезде» 1913 г. и И.С. Куликовым в «Старинном обряде благословения невесты в городе Муроме» 1909 г. Художники любуются расцветкой нарядов своих героев, плавностью и грациозностью их движений, статностью фигур. Теперь они ищут в мире деревни не только сюжеты, но и формальные – колористические, ритмические, композиционные – решения для своих произведений.

Герой данной статьи – костромской художник, писатель, организатор детского театра Е.В. Честняков (1874–1961) – начал активную деятельность в культуре как раз на рубеже веков[26]. Его творческая мысль развивалась в русле

[26] Обозначим, что Е.В. Честнякову не удалось получить систематическое художественное образование, но это не помешало ему разработать свой самобытный пластический язык, оригинальную систему образов и

умонастроений эпохи – это очарование миром деревни и поиск в нем живительных соков для обновления искусства, как в содержательном, так и в стилистическом плане. Но у Честнякова было два важных отличия от представителей искусства той поры: укорененность в патриархальной крестьянской среде (большую часть жизни он провел в родной деревне Шаблово Кологривского уезда Костромской губернии) и адресация произведений в большинстве случаев местному деревенскому сообществу. В попытке сохранить интерес к народной традиции автор делает обрядовую культуру (частью которой является свадьба) основой сюжетов своих изобразительных, литературных и театральных произведений. В рамках данного исследования мы сосредоточимся только на «свадебных» работах Честнякова, попробуем описать их этнографическое своеобразие, понять, как они согласуются с местным фольклором и насколько отражают региональные особенности обрядовой традиции Кологривской земли.

Будучи коренным шабловцем, наш герой неоднократно наблюдал ритуал бракосочетания воочию. Подтверждение этому мы находим в зафиксированных исследователями рассказах М.Д. Беляевой, соседки Честнякова: «Не одново празьника без ево [Честнякова] не обходилось. <…> И на свадьбах, и на поминках – везде бывал Ефим. <…> Молодым предсказывав будушшэе. Картину наресует: “Невеста в шовковике”. Сваты приехали – скажот: “Невеста-то пригожавиця, пригожавиця! Но хоть и хорош жоних, нешшаслива будет”…» [Цит. по: Живое поунженское слово 2007, 114]; «Где свадьба, он [Честняков] придет. Уж он всю свадьбу покажот, сресует. И зговоренку, как в баньку ведут. Раньше в баньку-то водили, веники ставили по

сюжетно-тематический ряд, базирующийся во многом на традиции крестьянской культуры.

дороге»[27] [Цит. по: Живое поунженское слово 2007, 113]. Сам Честняков в поэтических воспоминаниях фиксирует, как он, будучи маленьким мальчиком, бывал с дедушкой на свадьбе у своей родственницы в соседей деревне Урма: «На сварьбу… на сварьбу к тетушке Груне поехали с дедушком Самойлом.. <…> И на столе пироги и кусочки и пиво в ковшах.. Потчуют нас…» [Цит. по: Русь уходящая в небо 2011, 30]. Эти обрывочные сведения не дают представления о том, каким многофункциональным, протяженным по времени и сложным действом был свадебный обряд на Костромской земле. Но его масштаб можно осознать, обратившись к собранным Н.Н. Виноградовым, В.А. Дементьевым, И.М. Снегиревым в XIX и начале XX века этнографическим материалам, из которых очевидно, что в Костромской губернии, как и повсеместно на Руси, свадьба являлась важным событием не только для отдельной крестьянской семьи, но и для жителей окрестных селений. Именно таким многоплановым явлением предстает традиционная свадьба в творчестве Честнякова.

Существенным методологическим ограничением исследования произведений, посвященных крестьянской свадьбе, в пластическом и письменном наследии Е.В. Честнякова, является отсутствие датировок и контекстуальной информации о них. Также нет сведений о количестве работ данной тематики. Не имея возможности достоверно установить генезис и становление данного сюжета в творчестве автора, мы сфокусируемся на самой специфике сюжета и проследим взаимосвязь с локальной обрядовой традицией Костромского (в большинстве случаев и более узко – Кологривского) края. Учитывая все вышесказанное, предлагаем организовать изложение в логике

[27] Возможно, здесь речь идет о программном полотне «Ведение невесты из бани».

традиционной свадьбы через дошедшие до нас работы Честнякова, что представляется наиболее репрезентативным для поставленной задачи.

Представляется закономерным начать с предтечи свадебных событий – знакомства молодых людей, достигших брачного возраста, которое происходило, в частности, во время *кружков/кругов* (хороводов) в весенне-летний период и *беседок* (посиделок) в осенне-зимний. Если изображения хороводов не требуют пояснения, то о беседках стоит сказать несколько слов. Этот вид досуга практиковался с наступлением холодов: девушки собирались вместе в одном доме и объединялись за общим занятием (в нашем случае это изготовление пряжи). Работа сопровождалась песнями, музыкой, играми с зашедшими на посиделки парнями. Хороводы также не обходились без музыки и, соответственно, танцев. Обе эти формы молодежного времяпрепровождения нашли отражение в работах Честнякова (эскиз к картине «Хоровод», эскиз к картине «Посиделки», «Шабловский хоровод», «На посиделках», «Посиделки» и др.). Не погружаясь в подробный анализ произведений, отметим лишь наличие на многих из них изображения играющего гармониста. Известно, что в конце XIX века гармонь заняла лидирующие позиции в деревне, вытеснив древние музыкальные инструменты, и автор это наглядно иллюстрирует, что говорит о внимательном отношении к реалиям бытования народной культуры и стремлении их запечатлеть.

Дальнейшее изложение даст представление о том, насколько увлеченно и бережно Честняков относился к локальной культуре малой родины. Забегая вперед, скажем, что круг его интересов был достаточно широк, в него входил, в частности, местный фольклор. В рукописных книгах Честнякова можно найти, например, тексты хороводных песен. Некоторые из них, такие, как «Травинушка

притоптанная», являются вариантами традиционной медленной хороводной (*круговой*) песни, исполняемой во время весенне-летних хороводов на Костромской земле.

ФРАГМЕНТ ТЕКСТА ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК Е.В. ЧЕСТНЯКОВА	ФРАГМЕНТ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА
Травина ли моя, травинушка, Травина моя шелковая, ой! Еще кто же притоптал эту травинушку? [Цит. по: Ефим Честняков 1999, 31].	Травина́ ли моя, тра́вина, да травина́ в саду шелко́вая, Травина в саду шелковая, шелкова трава, лазорева. Шелкова трава, лазорева, да еще кто же тебя, травина, А еще кто же, травина, да еще кто же примял-притоптал, Да еще кто же примял-притоптал? [Цит. по: Чухломской фольклор Т. 1. 2012, 212].

Другие же имеют яркое авторское начало, но восходят композицией и стереотипией мотивов к фольклорным песням, иногда с заимствованием отдельных речевых формул.

ФРАГМЕНТ ТЕКСТА ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК Е.В. ЧЕСТНЯКОВА

Увидишь ты тута лужки,
Девицы встанут во кружки –
Кудрями потряхивают,
Платками помахивают,
Руками похлопывают,
Ногами потопывают…

Из всех, как будто невзначай,
Себе невесту примечай…
[Цит. по: Сказание о Стафии 2007, 80].

Сельскую свадьбу в Кологривском уезде традиционно играли в строго установленный период – от Рождественского мясоеда до Великого поста[28]. В другие мясоеды бракосочетание разрешалось только в виде исключения. Начиналось все со сватовства. «Погулявши достаточно, в конце святок, парень заявляет родителям о сделанном выборе. <…> Если найдут, что невеста “стоящая” и не “лихова отца-матери дочь”, то определяют время, когда ехать свататься» [Виноградов 1917, 73], – из записок о народной свадьбе 1901–1905 гг., сделанных Н.Н. Виноградовым в Костромской губернии. У Честнякова мы находим несколько стихотворных текстов («Сватовство» [Ефим Честняков 1999, 32], «Сваты» [Ефим Честняков 1999, 33]), пьесу «Сватовство» [Живое поунженское слово 2007, 183-198], а также эпизод сватанья в романе «Сказание о Стафии – Короле Тетеревином» [Сказание о Стафии 2007, 200-211]. Сватовство сопровождалось в Костромском регионе типовой общерусской приговоркой: «У вас есть товар, а у нас купец». В пьесе Честнякова «Сватовство» встречается ее вариант: «У вас товар… Вот мы к вам приехали пока товар не попортился» [Живое поунженское слово 2007, 188]. В случае достижения соглашения между сторонами брачующихся происходит обряд рукобития. Именно его запечатлевает Честняков в акварели «Просватки». В левом углу листа здесь изображен стол с традиционными угощениями для сватов: хлебом, солью (в деревянной солонке) и вином [Дементьев 1855, 79]. Также мы видим вышитое полотенце (повязку)

[28] В Костромской губернии традиционно свадьбы проводились только в этот период, что являлось особой региональной чертой [Логика трансформации 2019, 296].

[Живое поунженское слово 2007, 63]. В правой части – жених и невеста и их отцы, пожимающие руки в знак того, что вопросы о «выводе» со стороны жениха и «приданом» невесты, дарах, свадебных расходах и времени бракосочетания решены. С этого момента девушка считается просватанной, начинает «*выть*» (причитать) и продолжает вплоть до венчания. Плач считался обязательным для невесты: чем громче она плачет перед свадьбой, тем счастливее будет ее семейная жизнь.

По обыкновению, после рукобития устраивалась пирушка, где всех собравшихся отец жениха угощал вином. Дементьев, фиксируя традиционный свадебный обряд в селе Турлиево Кологривского уезда, отмечает, что первым вино подносили отцу невесты [Дементьев 1855, 81]. И когда тот принимал вино, невеста начинала выть. Если сравнить текст плача из рукописей Честнякова с записанным Дементьевым, то фольклорная природа честняковского текста становится очевидной.

ФРАГМЕНТ ТЕКСТА ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК Е. В. ЧЕСТНЯКОВА	ФРАГМЕНТ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА
Не принимай, жалостливый мой, Чужого-то зелена вина: Чужое-то зелено-вино, – Оно больно обманчиво, А и сверху – алмаз горний, А в средине смолой кипит – Ты пропьешь, жалостливый мой, Свою доченьку милую [Цит. по: Сухарева 2020, 439-440].	Не примай, кормилец батюшка, Чужаго зелена вина: Чужое вино обманчиво, пропойчиво: Малешенько и́зопьешь – Многошенько ты пропьешь – Ты меня молодешеньку, Ты душу красну девицу… [Цит. по: Дементьев 1855, 81].

В пьесе Честнякова «Сватовство» за собственно сватовством через неделю предполагается ритуал «дом смотреть», во время которого невестина родня должна оценить жилище и имущества жениха, а после, «недельки через две», – «сговор» [Живое поунженское слово 2007, 197]. «Сговор» был первым праздником роднящихся семейств и отличался многолюдностью. В Парфеньеве Кологривского уезда, например, приглашали весь посад [Дементьев 1855, 71]. У Честнякова мы находим такие строки: «Слышь просватали девицы[29] / Соходитеся сестрицы / На сговорки пировать» [Цит. по: Сухарева 2020, 428]. Сговоренная девица не ходила на посиделки, носила скромную одежду и собирала вместе с подругами и родными приданое.

Важно отметить, что повсеместно свадебный обряд, имея инвариантный костяк, отличается многообразием локальных особенностей. Его синтагматическая структура складывается из последовательности ритуальных действий, объединенных в семантически цельные блоки, которые могут носить как обязательный, так и факультативный характер. Факультативные элементы в локальных вариантах свадебной традиции занимают разную позицию на оси обрядового времени и имеют свои отличительные особенности. Причем различия прослеживаются не только на региональном уровне, но и в локальном и микролокальном масштабе. Мы стараемся описать крестьянскую свадьбу, пользуясь источниками из рукописного наследия Честнякова, но также привлекаем этнографические записи, сделанные в Костромском регионе в период с середины XIX до конца XX века. На основании последних, а также согласно инвариантной структуре свадьбы, выстраивается последовательность, согласно которой после всех вышеперечисленных церемоний (которые

[29] Возможно, здесь имеется ошибка в окончании. Речь идет о том, кого просватали, а не кто просватал, а, следовательно, требуется написание «девицу».

можно объединить в условный блок «Сватовство») следует блок ритуальных действ по подготовке невесты к переходу в новую семью, включающий «банный ритуал» и «оплакивание “девичьей кра́соты”». Прощание с девичеством в кругу подруг было распространено повсеместно у русского народа, но только на Русском Севере оно доминирует в обрядности кануна свадьбы. Такой вариант обряда называется севернорусским, и именно его мы находим в творчестве Честнякова.

«Банный ритуал» чаще всего устраивался накануне венчания. В селе Турлиево Кологривского уезда баня для невесты топилась как раз накануне церковного таинства и была частью вечеринки (девичника). Невеста последний раз мылась в родительской бане и через ритуальное омовение лишалась «девичьей кра́соты», символически передавая ее девушкам на выданье [Логика трансформации 2019, 307]. Во многих регионах севера «банная» дорога украшалась. В Чухломском крае на пути следования невесты из бани подруги растыкали прутики из веника (вершили дорогу) [Чухломской фольклор Т. 2. 2013, 15]. Как раз этому действу посвящена одна из знаковых работ Честнякова «Ведение невесты из бани» и эскиз к ней. На картине запечатлен момент, когда невеста выходит из бани, голова и лицо ее закрыты платком, символическая функция которого – отделить, изолировать, от мира живых. Ведь девушка до окончательного оформления брака пребывает в некоем переходном состоянии, ассоциирующемся со смертью. Она «умирала» как девушка, чтобы потом «возродиться» в новом статусе в новой семье.

На картине невеста изображена в окружении толпы. Две девушки на переднем плане разбирают банный веник и втыкают прутики в снег. Этот ритуал был частью обрядовой игры между партией жениха и партией невесты, главным стержнем которой было демонстративное неприятие жениха.

Ветви веника символизировали лес, сквозь который жених и дружка должны были пробраться к невесте. В рукописях Честнякова зафиксирован «плач» невесты, иллюстрирующий символический смысл полотна «Ведение невесты из бани».

ФРАГМЕНТ ТЕКСТА ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК Е. В. ЧЕСТНЯКОВА

Шелковой новый веничек. –
Вырастай тута – вырастай
Как частой-то березничек, –
Не пройти-б, не проехати
Друженьке со подружьецем
А со всем со княжим полком.
Но хитер мудер друженька:
Он возьмет пилу острую
А распилит он весь березничек,
А пропустит он весь княжой полок
[Цит. по: Сухарева 2020, 446].

Как мы уже говорили выше, прощание с кра́сотой в северной традиции являлось одним из центральных ритуалов кануна свадьбы. В северных свадебных песнях и причитаниях диапазон поэтических средств, описывающих кра́соту, весьма богат. Например, часто образ кра́соты приобретает антропоморфные, фитоморфные и зооморфные черты [Гура 2012, 614]. Нечто подобное мы обнаруживаем и в рукописных текстах Честнякова. Здесь кра́сота летает, с ней «гуляют» (участвуют в увеселениях), она выбирает подруженьку, к которой переходит, «расставшись» с невестой [Ефим Честняков 1999, 35], предстает в виде цветочка, мотающегося на ветру [Ефим Честняков 1999, 37], или в образе «золотой вершиночки яблоньки кружлявой» [Ефим Честняков 1999, 35]. Еще один любопытных факт,

замеченный филологом и этнолингвистом А.В. Гурой, заключается в том, что на Русском Севере изначально термин кра́сота относился как к головному убору, так и к прическе [Гура 2012, 615]. Данный тезис интересно раскрывается, если мы рассматриваем его применительно к материалу Кологривского края и наследию Честнякова. В текстах из записных книжек Честнякова понятие «девичьей кра́соты» воплощается в особом образом украшенной косе. Возможно, имеет в виду традиционный девичий головной убор – лента, очелье которой (если это праздничный вариант ленты) в Костромской губернии декорировался разноцветным бисером [Масалева 2017, 36][30]. Лента скреплялась сзади шнурком из разноцветных ниток или широкими лентами-завязками, которые спускались на спину.

ФРАГМЕНТ ТЕКСТА ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК Е.В. ЧЕСТНЯКОВА

Ах, свети-ка, млад ясен месяц,
Во мою-то русу косу.
Во моей-то русой косе
На три тысячи бисеру.
Что первая-то тысяча –
Она черного бисеру.
А другая-то тысяча –
Она белого бисеру.
Что третья-то тысяча –
Она желтого бисера.
Украшала красна девица
Честную девичью кра́соту
[Цит. по: Живое поунженское слово 2007, 213].

[30] Также для украшения ленты могли применять перламутр, жемчуг, позолоченные и шелковые нити, полоски позумента.

В свадебных плачах посада Парфеньев Кологривского уезда «кра́сота» и «коса» выступали в качестве контекстуальных синонимов. Здесь это обосновано тем, что и расплетение косы, и разлучение с «кра́сотой» символически означают расставание с девичеством.

ФРАГМЕНТ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА

Ты скажи-ка, кормилец батюшка,
Что у вас да за веселый пир,
Что у вас да за любы гости,
Почему вы с гостьми знаетесь,
<…>
Аль по роду, по племени,
Аль по моей буйной голове,
Аль по моей по косе русе,
По моей девьей кра́соте
[Цит. по: Дементьев 1855, 69].

В селе Турлиево Кологривского уезда девичья кра́сота в текстах плачей материализуется в виде головного убора: «Вы сдуйте мою девичью кра́соту, Девичье украшеньеце, / Бисерную перевязочку, / Базарскую тасемочку, / Шелковую мою ленточку» [Цит. по: Дементьев 1855, 89-90]. Или не имеет конкретного вещественного воплощения, одновременно отсылая и к прическе, и к головному убору: «Уж ты красуйся, ликуйся, / Моя девичья кра́сота, / На моей буйной голове...» [Цит. по: Дементьев 1855, 84]. Картографирование свадебного обряда, сделанное Л.С. Гвоздиковой и Г.Г. Шаповаловой, показывает, что в центральной части севера Костромской области преобладали два предмета, символизирующих «девичью кра́соту»: лента и коса [Гвоздикова, Шаповалова 1982, 268]. Что вполне соответствует семантическому осмыслению кра́соты в рукописном наследии Честнякова. Л.С. Гвоздикова и

Г.Г. Шаповалова также фиксируют на западе Кологривского региона приравнивание кра́соты не только к ленте, но и к украшенной верхушке елки [Гвоздикова, Шаповалова 1982, 272], но подобной связи в литературном (речь идет только о расшифрованных на данный момент текстах) и изобразительном наследии Честнякова мы не находим.

С девичьей кра́сотой в рукописных книгах Честнякова мы сталкиваемся в эпизодах свадебного обряда, которые связаны с баней, что согласуется с северной традицией.

ФРАГМЕНТ ТЕКСТА ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК Е. В. ЧЕСТНЯКОВА	ФРАГМЕНТ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА
И сказали подруженьки, А сказали все солгали – : «Перед банькой-то мыленкой Стоит столбик серебряный; А на том-ли на столбике, Столбике на серебряном – Стоит блюдце хрустальное; А на блюдечке, на хрустальноем Лежит честная девья кра́сота… [Цит. по: Сухарева 2020, 444-445].	Все неправду мне сказал: «Ты поди, дитя роженое, Ты во баньку во па́рушу, Осередь бани-паруши Стоит золотой стульчик, Тут лежит девья кра́сота, Девичье украшеньеце.» [Цит. по: Дементьев 1855, 92].

Расплетение косы, символизирующее прощание с девичеством, в селе Турлиево Кологривского уезда и в Чухломском регионе также осуществлялось подругой в бане [Дементьев 1855, 90; Чухломской фольклор Т. 1., 90]. Скорее всего, именно это ритуальное действие мы видим на акварели Честнякова «Расчесывают косу». В центре листа изображена невеста с распущенными волосами, на втором плане –

молодые девушки, подруги. Интересно, что расчесывает волосы ей не одна из подруг, а мать. К такому выводу мы приходим, с одной стороны, оценив головной убор – двойной платок, атрибут замужества – женщины с гребнем в руках, с другой – обратившись к тексту из наследия Честнякова.

ТЕКСТ ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК Е. В. ЧЕСТНЯКОВА (фрагмент)	ФОЛЬКЛОРНЫЙ ТЕКСТ (фрагмент)
Жалостливая маменька, Отвори светлу светлицу Угорела красна девица Что во баньке – во мыленке Со подружкам(и) – голубушкам(и). <…> Да счеши, жалостливая, Ты мою-то русу косу, Зачеши (заплети), жалостливая Во мою-то руссу косу Два ножа –Два булатныя, Третью сабельку острую Что-б обрезать сватье свахоньке Свою белую рученьку, Окровенить-бы ей – свахоньке Свое белое платьице. Благодарю, жалостливая, Причасала, пригладила Мою буйную голову… [Сухарева 2020, 446-447].	Расплети-ка, голубонька, Ты мою да русу́ косу Ты своими белы́м рукам. Во моей во русе косе Есть два ножика булатные, Две сабельки вострыя; У меня молодешеньки Не вздымаются белы руки На свою буйну голову, На свою девью кра́соту [Цит. по: Дементьев В. А. 1855, 90].

Проанализировав все вышеприведенные тексты из записных книжек Честнякова, мы приходим к выводу, что все они[31], а также многие из опубликованных Н.С. Гацковской под названием «Свадебная лирика» [Живое поунженское слово 2007, 438-452] и Т.П. Сухаревой под заголовком «Свадебная обрядовая поэзия» [Сухарева 2020, 210-215], неотличимы по характеру, композиции, ритму от устного народного творчества. В них присутствуют устойчивые фольклорные тропы («нож булатный», «сабелька острая», «рученька белая», «буйная голова», «русая коса», «подружки-голубушки», «месяц ясный» и многие другие) и использованы традиционные ролевые амплуа (например, жалобное повествование ведется от лица невесты и обращено к ее подругам и родителям). Все это позволяет атрибутировать их как локальный костромской фольклор (или его вариант), который, вероятно, автор старался сохранить, фиксируя в рукописях. Этот факт подтверждается его сотрудничеством с членами Кологривского отделения Костромского научного «Общества по изучению местного края», которое занималось сбором и исследованием народного наследия родного края, и членством в нем с 1918 по 1920 год [Игнатьев 1995, 68]. В дальнейшем аутентичный фольклор использовался Честняковым как источник стилистических форм для создания авторских произведений. Здесь можно вспомнить, например, такой поэтический текст:

ФРАГМЕНТ ТЕКСТА ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК Е. В. ЧЕСТНЯКОВА

Выйдешь замуж за валета!
Свадьба будет в бабье лето!
Тихо, сухо и тепло,
И на волюшке светло!

[31] Здесь исключение составляет только текст «Увидишь ты тута лужки…».

Свадьба будет в ясный день.
Перебудит бряк людей!
[Цит. по: Ефим Честняков 1999, 39].

Продолжим описывать этапы свадебной церемонии. Общерусским обычаем являлось благословение невесты родителями перед отправкой к венцу. Первым благословлял отец, затем мать, а после другие родственники. Изображение этой церемонии Честняков запечатлел на акварели «Благословляют». Мы видим в окружении людей мать и отца с иконой «Господь Вседержитель», свечой и хлебом (?) в руках, рядом с ними стоит дочь и, опустив голову, смиренно ждет благословения.

Кульминационное действо свадьбы – венчание – иллюстрирует акварель Честнякова с одноименным названием. На ней изображено непосредственно церковное таинство: невеста и жених стоят с венцами на голове перед аналоем и держатся за руки, рядом священник и дьякон произносят молитвы.

Далее изложение можно было бы продолжить живописным полотном «Свадьба», но оно вызывает ряд вопросов. Во-первых, свадебный поезд, традиционно многосоставный, по неизвестным причинам здесь «редуцирован» до единственной повозки; во-вторых, в одном из игрушечных домиков можно заметить домового; в-третьих, коляска с молодой парой движется по типичной деревенской улице по направлению к каменным палатам с колоннами (откуда им взяться в северной деревне?); в-четвертых, персонажи находятся как бы в двух измерениях: человеческом и игрушечном (их размер разнится: человек может быть больше, чем дом). Все это наводит на мысль, что изображенное действие имеет сказочный нарратив, и по этой причине должно быть рассмотрено в рамках отдельного исследования.

Пир является неотъемлемой частью свадебного торжества. Его Честняков изображает на программном полотне «Свахонька любезная, повыйди…». Здесь мы безошибочно можем определить новобрачных: они сидят на почетном месте рядом с иконами в красном углу, по обе стороны от них – гости. Столы по традиции накрыты белыми скатертями. На них лежат хлеб, пироги и другие кушанья. В центре композиции – дружка. Его можно отличить по характерному атрибуту – полотенцу, перевязанному через плечо [Гура 2012, 134]. В нижней части картины текст: «Свахонька любезная, повыйди повыступи по полу тесовому ко мне дружке веселому», – это типичный образец приговора дружки. Вариция этого приговора, согласно записям Деметьева, активно использовалась в селе Турлиево Кологривского уезда: «Свахонька любезная! Повыйди, повыступи, с середы на зыбучий пол, от печки кирпичная, от столба горемычного…» [Цит. по: Дементьев 1855, 107]; «…Сватушка (или свахонька), повыйди… приступись ко мне к дружке дружке молодому…» [Цит. по: Дементьев 1855, 110]. Дружка с момента приезда свадебного поезда к дому невесты и вплоть до конца пира руководил происходящим: рассаживал гостей, угощал, ведал напитками, произносил тосты, повторял вышеобозначенный и другие приговоры, таким образом исполняя свою роль церемониймейстера застолья.

Наше исследование не предполагает погружения в сказочно-фантастический пласт творчества Ефима Честнякова. Но мы не можем оставить без внимания свадебную тему в фантастическом романе «Сказание о Стафии – Короле Тетеревином»[32]. Одна из главных

[32] В фондах Костромского музея-заповедника хранится 4 рукописных текста, описывающих странствия Стафия. Р. Е. Обухов на основе рукописной книги, которая, по его мнению, является последним авторским вариантом, издал в 2007 году книгу «Сказание о Стафии —

сюжетных линий этого произведения – поиск невесты крестьянским сыном Стафием Карпиевым. Сватается Стафий к девушкам в городе и деревне, даже делает предложение руки и сердца принцессе – везде отказ. Мечтательный жених, странствующий на летучем корабле и мастерящий всякие «диковины», не подходит, по мнению большинства, для семейной жизни. Но однажды встречает Стафий свою идеальную суженую – Одарью. Как и Стафий, любит она родную деревню и не тяготится крестьянским бытом, но в то же время способна понять кра́соту искусства и оценить творческую интенцию своего жениха. Но роман не заканчивается счастливой свадьбой. Исследователь Р.Е. Обухов высказывает предположение, что Стафий – это одно из альтер эго самого Ефима Честнякова. Не обретший семейного счастья автор лишает его и своих героев. Обухов считает, что Стафий-Честняков посвятил себя служению искусству и не смог найти в своей жизни место для простого семейного счастья.

Вероятнее всего, корпус работ, посвященных свадебной тематике, у Честнякова был обширнее и богаче, но в настоящее время для исследования доступны лишь данные произведения. Даже они проливают свет на авторское отношение к традиционной свадьбе. Сравнительный анализ показал, что часть свадебных текстов из записных книжек Честнякова представляет собою варианты традиционного фольклора Кологривского края, а другая – хотя и опирается на фольклор, имеет яркое авторское начало. Очевидно стремление Честнякова запечатлеть многосоставность, протяженность во времени и семантическую наполненность свадебного обряда, а также его этнокультурные особенности,

---

Короле Тетеревином». Основной текст рукописной книги был дополнен фрагментами из других рукописных фрагментов, получилась своеобразная компиляция из 25 глав, последовательно перетекающих одна в другую.

определяемые локальной северной традицией. В то же время понятно, что автор не ставил перед собой задачу создать историко-этнографическую энциклопедию, некий систематизированный свод фактов о северной брачной обрядности. Встраивая в свои произведения образы крестьянской свадьбы, он поэтизировал и эстетизировал свадебную традицию, оставляя от ее традиционного сюжета лишь необходимые для авторского замысла элементы.

Источники и материалы

Дементьев 1855 – Дементьев В.А. Деревенские свадьбы в Кологривском уезде Костромской губернии (Отрывок из путевых заметок) // Москвитянин. № 7. Кн. 1. М., 1855. С. 65–134.

Ефим Честняков 1999 – Ефим Честняков. Поэзия / Сост. Р. Е. Обухов. М., 1999.

Сказание о Стафии 2007 – Сказание о Стафии – Короле Тетеревином: роман-сказка / Сост. Р.Е. Обухов. М., 2007.

Чухломской фольклор Т. 1. 2012 – Чухломской фольклор: в 2 т. Т. 1. Фольклорно-этнографические материалы / Под ред. А.В. Кулагиной, В.А. Ковпика. М., 2012.

Чухломской фольклор Т. 2. 2013 – Чухломской фольклор: в 2 т. Т. 2. Музыкальное и танцевальное традиционное искусство / Сост. Т.В. Кирюшина, А.И. Шилин. М., 2013.

Исследования:

Виноградов 1917 – Виноградов Н.Н. Народная свадьба в Костромском уезде (Шунгенской, Белореченской и Шишкинской волостях) // Труды Костромского научного

Общества по изучению местного края. Вып. 8. Кострома, 1917. С. 71–152.

Гвоздикова, Шаповалова 1982 – Гвоздикова Л.С., Шаповалова Г. Г. «Девичья красота» (картографирование свадебного обряда на материалах Калининской, Ярославской и Костромской областей) // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982.

Гура 2012 – Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М., 2012.

Живое поунженское слово 2007 – Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова / Н. С. Ганцовская. Кострома, 2007.

Игнатьев 1995 – Игнатьев В.Я. Ефим Васильевич Честняков. Кострома, 1995.

Логика трансформации 2019 – Логика трансформации: региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов / Отв. ред. И.А. Морозов, И.С. Слепцова. М., 2019.

Масалева 2017 – Масалева С.Д. Народная одежда костромского края. Конец XIX – первая четверть XX века. Кострома, 2017.

Русь уходящая в небо 2011 – Русь уходящая в небо…: Материалы из рукописных книг / Сост. Т.П. Сухарева. Кострома, 2011.

Сухарева 2020 – Сухарева Т.П. Е.В. Честняков. Из рукописных книг: свадебные обряды // Музейный хронограф. Вып. 8. Кострома, 2020. С. 424–452.

References

Vinogradov N.N. (1917) Narodnaya svad'ba v Kostromskom uezde (Shungenskoy, Belorechenskoy i Shishkinskoy volostyakh) [Folk wedding in Kostroma district (Shungen, Belorechensk and Shishkin volosts)]. Trudy Kostromskogo nauchnogo Obshchestva po izucheniyu mestnogo

kraya [Proceedings of the Kostroma Scientific Society for the Study of the Local Region]. Vol. 8. Kostroma. Pp. 71–152. In Russian.

Gvozdikova L.S., Shapovalova G.G. (1982) “Devich'ya krasota” kartografirovanie svadebnogo obryada na materialakh Kalininskoy, Yaroslavskoy i Kostromskoy oblastey) [“Devich'ya krasota” – symbol of girlhood (mapping the wedding ceremony using materials from the Kalinin, Yaroslavl and Kostroma regions)]. Obryady i obryadovyy fol'klor [Rituals and ritual folklore]. Moscow. In Russian.

Gura A.V. (2012) Brak i svad'ba v slavyanskoy narodnoy kul'ture: Semantika i simvolika [Marriage and wedding in Slavic folk culture: Semantics and symbolism]. Moscow. In Russian.

Zhivoe pounzhenskoe slovo (2007) Slovar' narodno-razgovornogo yazyka E. V. Chestnyakova [Living Poungen word. Dictionary of the People's Spoken Language by E. V. Chestnyakova], N. S. Gantsovskaya. Kostroma. In Russian.

Ignat'ev V. Ya. (1995) Efim Vasil'evich Chestnyakov [Efim Vasilievich Chestnyakov]. Kostroma. In Russian.

Logika transformatsii: regional'naya i lokal'naya spetsifika kul'turnykh i yazykovykh protsessov (2019) [Logic of transformation: regional and local specificity of cultural and linguistic processes], otv. red. I. A. Morozov, I. S. Sleptsova. Moscow. Pp. 424–452. In Russian.

Masaleva S.D. (2017) Narodnaya odezhda kostromskogo kraya. Konets XIX – pervaya chetvert' XX veka [Folk clothing of the Kostroma region. The end of the 19th – first quarter of the 20th century]. Kostroma. In Russian.

Rus' ukhodyashchaya v nebo…: Materialy iz rukopisnykh knig (2019) [Rus' going into the sky...: Materials from handwritten books], Sost. T. P. Sukhareva. Kostroma. In Russian.

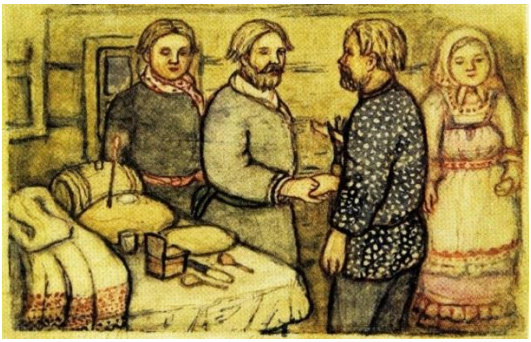
Sukhareva T.P. (2020) E. V. Chestnyakov. Iz rukopisnykh knig: svadebnye obryady [E. V. Chestnyakov. From handwritten

books: wedding rituals]. Muzeynyy khronograf [Museum chronograph]. Vol. 8. Kostroma. Pp. 424–452. In Russian.

Иллюстрации

Илл. 1. Е.В. Честняков. Хоровод. Эскиз к картине. Бумага, акварель, тушь. 18х51 см

Илл. 2. Е.В. Честняков. На посиделках. Холст, масло. 29х44 см



Илл. 3. Е.В. Честняков. Просватки. Бумага, акварель

Илл. 4. Е.В. Честняков. Ведение невесты из бани. Холст, масло. 111,5х204 см

Илл. 5. Е.В. Честняков. Ведение невесты из бани (фрагмент). Холст, масло. 111,5х204 см

Илл. 6. Е.В. Честняков. Расчесывают косу. Бумага, цветной карандаш, акварель

Илл. 7. Е.В. Честняков. Благословляют. Бумага, акварель, графитный карандаш. 17,1х25, 8 см

Илл. 8. Е.В. Честняков. Венчание. Бумага, акварель. 18х24,5 см

Илл. 9. Е.В. Честняков. Свахонька любезная, повыйди... Холст, масло. 61,5х112 см